

**Путешествие в
глубину моей
памяти через
тернии сна**

Алэн Акоб

18+

АЛЭН АКОБ

Путешествие в глубину моей памяти через тернии сна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49389653

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-08108-6

Аннотация

Герой впадает в забытие и через мучительные воспоминания во сне, проходя знаменательные исторические события, возвращается в реальность, чтобы встретить и спасти дочь, о которой он и не подозревал.

АЛЭН АКОБ

Путешествие в глубину моей памяти через тернии сна

Нет ничего более трудного, чем не обманывать самого себя.

Л. Витгенштейн

Жаркое летнее утро в Риме. За огромны дубовым столом, в своей летней резиденции, среди вороха карт, папируса, чернил и гусиных перьев, сидит высокий человек, с бледным лицом. Обхватив свою лысеющую голову обеими руками, он вполголоса тихо постанывает от головной боли. Его звать Гай Юлий Цезарь, Консул Великой Римской Империи.

– О, Боги за, что мне такая участь! – превозмогая боль восклицает он – Я Гай Випсаний Агриппа владею землями от Армении до Атлантики, я Великий консул Римской Империи, страдаю от головной боли, как жалкий плебей *viri sunt viri*

– Слуги! Где вы там! Врача ко мне, быстро найдите врача Цезарю жалкая банда *asinus*.

– Великий Цезарь гонец от Марк Антония!

– Пусть войдёт

– Я центурион Аврелий, Великий Цезарь вам послание от генерала Антония – протягивая свиток папируса с печатью Марк Антоний. Быстро пробежав глазами по написанному, бледное лицо Консула нервно задёргалось, губа искривилась в кривую.

– Да, как они посмели – заорал Цезарь – напасть на мой гарнизон, ах вы непокорные галлы, вы мне дорого заплатите мне за это с вашим королём Верцингеториксом. Центурион передай Марк Антонию, что игральная кость брошена, они перешли рубикон! И знайте все, завтра утром выходим в поход на Галлию! – театрально подняв руку вверх. На последних словах Цезарь рухнул как подкошенный и начал биться головой об пол, очередной приступ эпилепсии которой с детства страдал Цезарь.

Рассвет, прохладное осеннее утро на поляне возле леса. Застывшая серебряными капельками роса ковром лежит на склонившейся под её тяжестью изумрудной траве, поблескивая от зари, она переливается цветным бисером на кустах дикого шиповника и папоротника, растущего повсюду. В местах, где оголилась земля, от размытых сезонными дождями впадин клубами идёт белесый пар, искрясь и танцуя на фоне молочного тумана.

Семейство полевых сусликов, пугливо озираясь по сторонам вылезло из норок в поисках семян диких злаков, росших в изобилии на лугу. Не успели они толком расползтись по по-

ляне, как мелькнула зловещая тень. Свист, шелест крыльев. Поздно: глава семейства оказался в цепких когтях степного орла.

Может, осень кому-то и унылая пора сезонной грусти, нытья и хандры, опавших листьев с дождями, но кому-то и долгожданное время сбора грибов, ягод.

– А как вы думаете, Олег, почему люди идут за грибами прямо с утра?

– Интересный вопрос, Вениамин Павлович, как-то не задумывался над этим раньше, хоть и считаю себя грибником, может не заядлым, но дело это люблю, конечно, – немного подумав – традиция наверно. Хорошее дело, приятное, – смеясь – особенно с водочкой в обед.

– Так почему ж утром, Вы не ответили на мой вопрос ?

– Хотя бы потому, что существует опасность пройтись вслед за тем, кто пришёл раньше тебя, считая обрезанные им грибные ножки.

– О, посмотрите, какая находка, злой красавец! – не обращая внимание на ответ

– Бледная поганка! Что же тут красивого? Мерзкий гриб.

– Не скажите, не скажите – природа безукоризненна, в ней нет ничего ни лишнего ни уродливого, она прекрасна, – любясь на расстоянии грибом.– Очень ядовитый, мгновенно разрушает клетки печени. Пойдёмте дальше, не будем задерживаться – наступая ногами на превратившихся в грязь и глину балтеус и перуги погибшего римского legionera

– Вы заметили, Олег, что очень много грибов бывает в ямах? Последние два белых гриба я именно там и нашёл.

– А ведь все эти ямы остались ещё со времён войны, многие из них – это воронки от разорвавшихся снарядов.

Пугливая косуля, мирно пощипывающая траву около торфяного болотца, вдруг внезапно насторожилась, вздрогнула всем телом, подняла голову и стала прислушиваться, нервно шевеля ушами. Мгновение – и она сломя голову бросилась бежать в сторону леса, чтобы укрыть себя от опасности. Сначала в небе послышался гул самолётного мотора захлёбываясь он закашлял, затем умолк, снова закашлял и наконец замолк насовсем, падая камнем из-под свинцовых туч, оставляя за собой длинный шлейф сине-белого дыма. Его с маниакальным упорством преследовал немецкий «мессершмитт», посылая вдогонку длинные очереди свистящих пуль. Разбитый мигарёк, весь продырявленный, как решето, горел, лётчик мёртв. Видно, у немецкого пилота сдали нервы, что большая редкость среди асов, его решительность окончательно добить противника имела свои причины: ещё пару минут назад в бою грозный самолёт с молнией и звездой на фюзеляже крушил и бил его товарищей, заставляя их падать вниз, на встречу с землёй, как яблоки с дерева в ветреную погоду. Вслед за «мессером» в небе появился «Як-3», который вогнал пол-обоймы немцу в спину, от чего тот тоже задымился, закашлял мотором и грохнулся рядом с советским самолётом с разницей в минуту. Произошли два яр-

ких взрыва вперемешку с дымом и огнём. «Як-3» два раза покрутился над местом крушения, где погиб его товарищ, прощаясь с ним, потом взмыл птицей в небо, чтобы снова взлететь в воздушное месиво пуль, металла и дыма, временно оставленного им боя.

В то же самое время, прямо через поле из тумана, почти рядом с горящими самолётами шёл отряд римских легионеров. Это были хорошо закалённые в боях воины, покрытые многочисленными шрамами с плохо заживающими порезами из-за местной сырости. Были они вооружены легко – через одного пилим, у всех по гладиусу и скутуму в руках. Отряд шёл по приказу Цезаря наказать непокорных галлов за их дерзкое нападение на римские укрепления, тем самым бросив вызов самому императору великой Римской империи.

Сокровенная тайна зарождения жизни во Вселенной, Мир вокруг и внутри нас, вечные поиски человечества – счастья, любви, смысла бытия, это всё есть наше мироздание, и ты один из его центров. Всё, что происходит вокруг тебя, хаотично, как правило не подвластно никакой логики, много необъяснимого. Так прими же этот мир, таким как он есть. Зачем искать смысл жизни? И опять извечный вопрос, неужели всё кончится для нас, когда мы умрём, так ли это на самом деле? Или может мы растворимся в космосе, станем частичкой Вселенной? Умирая возродимся из космической пыли. Мы делаем неумелые попытки постигнуть окружающий нас мир, терпим неудачи, предаёмся унынию, снова

ищем, разочаровываемся – беда, слишком велики масштабы мироздания по сравнению с нашими умственными возможностями. Люди в отчаянии начинают во всём сомневаться, утверждать, что чудес не бывает, находят самые нелепые объяснения всем явлениям природы и бытия с их материальной точки зрения. А ведь именно с той минуты, когда мы начинаем задумываться над природой жизни и начинаются наши поиски счастья. Так что же такое это счастье, в чём заключена его сущность? Может, это состояние души, бытия? Можем ли мы быть всё время счастливы или это просто миг, мгновение? Попробуем разобраться в этом. Счастье не может быть долгосрочным, обязательно найдутся обстоятельства или причины, которые помешают ему продолжаться бесконечно. Счастье – это когда кто-то тебя ждёт или ты кому-то нужен, даже ожидание прихода кого-нибудь из дорогих или любимых тебе людей есть своего рода счастье. Помочь нуждающемуся, подать руку помощи, спасти кого-то – вот где состояние души человека, близкое к счастью. Любовь – это одно из составных счастья, как свидетельство – например боль после разлуки с любимым человеком. Я бы отдал весь свой гений и все свои книги за то, чтобы где-нибудь была женщина, которую беспокоила бы мысль, опоздаю я или нет к обеду – писал когда-то Тургенев. Для достижения своего счастья иногда приходится идти на жертвы, лишения, путь к нему никогда не был лёгок, оно, это счастье всегда дорого стоило, и платить за него приходилось иногда

даже ценой своей гордости, принципов. Бывает, что счастьем предшествует удача, счастливый случай, но это не те понятия, на которые можно рассчитывать. Связано ли счастье с деньгами? И да и нет, очень многое зависит от индивидуума, его мировоззрения и даже мировосприятия. Быть здоровым, веселым и существовать – это уже великое счастье.

Олег стоял перед старым мастером в засаленной спецовке и не скрывал своего неудовольствия

– Надо было раньше думать, – механик качал головой и на все просьбы и доводы был просто неумолим – за такое короткое время починить машину, ну это просто теоретически невозможно, а физически... Я лучше помолчу.

– Послушайте, ведь не пойду же я пешком на работу. Посмотрите, какой дождь идёт, у меня даже зонта нету.

– Надо слить масло, снять коробку, а потом уже только менять сцепление, – продолжая качать головой, убеждал автомеханик. – Нужно, чтобы вы оставили машину как минимум на день, завтра она будет готова.

В мастерской пахло выхлопными газами, маслом и ещё неведь чем, от чего с непривычки першило в горле и пощипывало в глазах.

Дождь на улице не прекращался. Набрав в грудь воздуха и собравшись ещё раз возразить механику, Олег вдруг понял всю безвыходность своего положения и, нетерпеливо махнув рукой, в полном отчаянии сказал:

– Я согласен.

– Ну вот и лады, завтра приходите, после обеда будет готово, возьмите зонт в приёмной. Да, не забудьте вернуть!

Ошалело льющийся, как из ведра, дождь серыми верёвками с остервенением бился по асфальту и стенам домов. Лужи перед гаражом от разлитого когда-то масла принимали радужный оттенок, который мог бы вообразить разве что художник-импрессионист. Держа потрёпанный годами зонтик в руке, перепрыгивая через красочную палитру цветов на мокром асфальте, при этом абсолютно не обращая никакого внимания на её неземную красоту, Олег спешил к остановке. Потихоньку вода начинала смачно чавкать в правом ботинке, тогда как левый был абсолютно сух, осенняя обувь на тонкой подошве была отнюдь не новой и промокала. Вдобавок ко всему этому природному бесчинству начался сильный ветер. Сначала он вырывал из рук зонтики, выворачивая их наизнанку, потом стал баловаться в кронах деревьев, осыпая прохожих пожелтелой листвой, а когда ему и это надоело, он взмыл в небо, обрушив всю свою радостную шалость на крыши унылых домов, раскачивая антенны и сдувая остатки воды на тротуар и головы прохожих. Подойдя к остановке порядочно измокшим и озлобленным на весь белый свет, Олег встал под укрытие и начал пустым блуждающим взглядом человека, у которого плохо начался день, смотреть по сторонам, ища что-нибудь, что могло его отвлечь от дурных мыслей. Кругом была сырость, серость и обыденность. Машины

сновали взад и вперед, расталкивая соседей, при этом стараясь пронырнуть в любое освободившееся пространство, бесконечно сигналивая, что крайне раздражало Олега Семёновича. Пешеходы бежали, перепрыгивая через лужи, попадая в новые, полные лопающихся пузырей, вокруг всё спешило, шумело, кричало. Плоскогрудая женщина с чемоданами наперевес, спрашивала у случайного прохожего, как пройти на вокзал. Прохожий с вынужденной вежливостью, переминаясь с ноги на ногу, второй раз объяснял ей дорогу. Какой-то лихач то ли от вредности, то ли от глупости въехал в лужу перед остановкой и обдал ожидающих пассажиров фонтаном бурой воды из-под колёс своего ржавого жигулёнка. Все стали возмущаться, обзывая его хамом и негодяем. «Какая редкостная сволочь», – подумал Олег, отряхивая с нового плаща капли прилипшей грязи. Впав снова в апатию ко всему окружающему, он продолжал терпеливо ожидать автобус, когда случайно его взгляд упал на противоположную сторону улицы, где тоже была остановка, а в самом центре разношёрстной толпы ожидающих автобус стояла девушка и смотрела на него, улыбаясь. Как ему показалось, она выступала из толпы каким-то неестественным светом, выделяясь из остальных свежей красотой молодой женщины, было в ней что-то очень родное, близкое, до боли знакомые черты лица, она как магнитом, притягивала его к себе.

– Она! – воскликнул Олег и замер от неожиданности. – Не может быть, она! Здесь, сейчас.

Разные мысли бурно, с воспоминаниями, как бенгальские огни на празднике, стали быстро вспыхивать в его, увы, уже немолодой голове и так же быстро гаснуть одна за другой.

– Это она! Конечно, она! Таня, ты как тут очутилась? – закричал он. – Таня!

Девушка смотрела на него, продолжая улыбаться. К остановке, скрипя рессорами, подъехал переполненный автобус. Лишь после того, как он отъехал, до Олега дошло, что девушка уже в нём и, наверное, едет. Перепрыгнув через бордюр, поскользнувшись на луже, чуть не попав под встречную машину, он стал бежать за автобусом? на ходу пытаясь застегнуть распахнувшийся плащ, напоминая уличного сумасшедшего.

– Таня, Таня ты куда? – продолжая спотыкаться, бежал он за транспортом, стараясь его нагнать. Машины сигналили ему в спину, прохожие с недоумением смотрели на него.

– Смотри, мужик шизанулся – заметила плоскогрудая женщина с чемоданами

– Точно, таких сейчас всё больше и больше, – заметил кто-то с иронией.

– Одет вроде прилично, на бомжа не похож, – переговаривались двое неизвестных на остановке.

Олег продолжал бежать за автобусом, пока с ним не поравнялась машина, водитель которой опустил боковое стекло и с сильным кавказским акцентом спросил его:

– Ты что, дурак, что ли, иди бегай на тротуар, под машина

попадёшь, осёл!

Олег Семёнович остановился как вкопанный. Кавказец просигналил на прощание и рванул с места, как бешеный. Перепрыгнув через бордюр, тяжело дыша, он начал потихонечку приходить в себя, мысли быстро, одна за другой, теснились в сразу потяжелевшей от переживаний голове.

– Это она, нет, это не она, ей же сейчас за пятьдесят, не меньше. Может, я с ума сошёл, ну, конечно, это не она, – стучало в висках.

От свежевывмытых школьных окон по зелёным стенкам класса прыгали солнечные зайчики, гоняясь друг за другом. Шёл урок природоведения, то ли урок был нудным, то ли преподаватель, а может и урок и преподаватель вместе взятые, потому что все были заняты чем-то более интересным чем сам урок, однако это абсолютно не смущало Эмму Семёновну бородавкой на подбородке. Она продолжала монотонно рассказывать об опылении растений насекомыми. Серая муха с выпученными огромными глазами навывкате, которой тоже было абсолютно безразлична такая наука, как ботаника, села на краешек стола прямо перед ней и принялась тщательно умываться. Сначала она долго протирала передними лапками свои выпуклые глазки (видимо, у неё было назначено где-то свидание с себе подобным воздыхателем), затем крылышки, потом грудку. Мой одноклассник Серёга посчитал, конечно, это неслыханной наглостью с её стороны. Он сидит за первой партой, а я за последней. Чем дальше

мы друг от друга, тем лучше всем: и нам, и учителям, и родителям – так решил сам директор школы. Мухе же было абсолютно безразлично, что думает о ней Серёга, и она так же дерзко продолжала свой туалет. Теперь она решила протереть серенькое брюшко задними лапками. Это была та последняя капля, что переполнила чашу его терпения. Он вынул из портфеля линейку в тридцать сантиметров, грозное оружие любого мухобоя, и хлопнул ею по мухе. Но не тут-то было: она, жужжа, взмыла вверх и быстро смылась, оставляя после себя возмущённый звон в воздухе, ткнулась в окно, ударившись головой об стекло. Толку никакого, но треск с щелчком от удара линейки по столу, на весь класс. Эмма Семёновна от неожиданности смешно испугалась, очки упали на стол, и она с недоумением посмотрела на Серёгу. Все засмеялись.

– Что это такое? – возмутилась Эмма Семёновна.

– Мухобойка.

– Какая ещё такая мухобойка! Выйди сейчас же из класса вон и жди в коридоре.

Полкласса с завистью посмотрело ему вслед. Подойдя к двери, Серёга внезапно повернулся и сделал козью морду. Класс взорвался от смеха.

Что касается меня, то я уже давно не смотрю в его сторону, почти три дня, с некоторых пор у меня появился объект вожделения. Сидя за задней партой, я тайком наблюдаю за одной из моих одноклассниц, которая с некоторых пор

стала мне казаться не такой, как остальные. Случилось это несколько дней назад, я вынимал из портфеля учебники, и среди них оказался томик Джека Лондона. Утром, когда я собирался в школу, случайно прихватил его. Мой отец периодически перечитывал разные книги и в тот день забыл её у меня на столе.

– Я тоже люблю Джека Лондона, а тебе что нравится? – спросила она, взглянув на меня голубыми глазами и тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: – «Любовь к жизни» – мой любимый рассказ. Она – это Таня, что сидит за первой партой, отличница. Мне сразу стало стыдно, потому что я никогда ничего не читаю и не был в состоянии ответить что-нибудь вразумительное, гонять футбол во дворе с пацанами мне было куда интереснее, чем читать дома книжки. Я уже открыл рот, чтобы наругать ей от отчаяния, как прозвенел спасительный звонок.

– А мне «Белое безмолвие» нравится, – вмешался в разговор Серёга.

– Да, и что тебе понравилось в нём? – поинтересовалась она.

Продолжая обсуждать книгу, они вместе вышли из класса, увлечённо беседуя. Противоречивые чувства бурлили во мне, я чувствовал себя глупым и одиноким. В те времена мне были не совсем знакомы такие чувства, как зависть, ревность.

Дни шли за днями, а мираж моей любви ходил с ней ря-

дом по утрам в школу и так же прилежно возвращался домой. Начались мои непростые времена: и так я учился не ахти, а тут ещё появилась она. Для того чтобы назвать любовью то состояние души, которое было у меня, пока ещё не хватало жизненного опыта, да и плохо я представлял себе, как ей сказать об этом, что будет потом. А вдруг она меня на смех подымет или расскажет всем подружкам, и они будут на меня пальцем показывать, как на сумасшедшего. День и ночь я думал только о ней, открывал учебник – между страниц была она. Ел – думал о ней, представляя себе, как мы вместе нарезаем овощи для борща. Играл в футбол – представлял, как она смотрит на меня и радуется моим забитым мячам, либо огорчается каждой неудаче моей команды. Она вошла, как вихрь, как ураган, в мою невинную детскую душу, заставив по-другому посмотреть на окружающий мир. Теперь я спешил в школу, тогда как недавно шёл в неё как на плаху, после уроков старался втесаться в группу ребят, где была она, рассказывал всякого рода чушь и нелепицы, чтобы рассмешить друзей и обратить тем самым её внимание на меня, несколько раз мне это удалось, мы даже перекинулись парой слов между собой. Но, как вскоре выяснилось, я был не один её тайный воздыхатель. Да, мой друг Серёжка тоже неровно дышал в её сторону. Как-то, отбившись от общей группы ребят, они, как всегда, о чём-то оживлённо говорили, я незаметно приблизился к ним и услышал их.

– Если бы у меня была собака, я бы очень хотел, чтобы

она походила на Белого Клыка, – воодушевлённо мечтал он.

– Зачем тебе в городе такая большая собака, да и ещё наполовину волк?

– Ну как зачем? Никого нету, а у тебя волк – друг.

– Странные желания у тебя, мне бы хватило и болонки или кошечки, например.

Ничего не ответив на её замечание, он продолжал идти рядом, как вдруг стал серьёзным и спросил её:

– Таня, если у тебя тяжёлый портфель, я могу его понести до твоего дома.

– Нет, спасибо, он не тяжёлый – настороженно ответила она.

– А можно тебя пригласить в кинотеатр в воскресенье? Новый фильм вышел с участием Бельмондо.

– Спасибо, но я уже ходила на него с родителями, – отрезала она.

Здесь я отстал от них и пошёл рядом с Катей, которая всем рассказывала сюжет французского фильма. Под конец дороги они разошлись в разные стороны, и я облегченно вздохнул.

Потом я начал ходить под её окнами, сам не знаю почему, словно мне не хватало её на уроках. Воскресенье превратилось для меня в полный кошмар, я ждал понедельника. Дома, конечно, замечали перемены во мне, может быть и догадывались, скорее всего, что что-то происходит со мной, но виду не подавали. Пару раз отец пробовал пошутить на эту

тему, но, поймав укоризненный взгляд матери, обрывался на полуслове. Дошло до того, что я залезал на крышу дома, стоящего напротив её окон, и по вечерам наблюдал за ней, подглядывая в окно её комнаты, в надежде увидеть что-нибудь интересное. Правда, она каждый раз задёргивала занавеску, прежде чем надеть ночную пижаму и лечь в постель, а вот что происходило в соседних квартирах, было далеко не для детских глаз и воображения. В тот день я лежал на спине и смотрел в чёрное небо, меня от неё отделяли всего лишь какие-то сто метров. Она сейчас тоже, наверное, как и я, лежит у себя в кровати и думает, наверное: об уроках, о новом платье, о невытой посуде в раковине – о чём угодно, но только не обо мне. Между вытяжными трубами на крыше сквозил тёплый майский ветерок, начало полнолуния, вокруг было так светло, что можно было видеть даже птиц на телевизионных антеннах на пять домов вперёд. Ветер, видимо, разогнал тучи на небе, и от этого одна за другой стали вспыхивать золотистые кляксы звёзд. Чудная ночь, луна в звёздном обрамлении с проплывающими тучами вокруг. За спиной послышался чей-то приглушённый смех и звуки шагов. Не успел я обернуться, как надо мной возникла влюблённая парочка. Он – долговязый верзила в потертых джинсах, она – хрупкое, милое создание с белокурыми волосами

– А ты что тут делаешь? – довольно-таки бесцеремонно спросил он меня.

Не успел я открыть рот, как за меня вступилась миловид-

ная незнакомка.

– Макс, оставь человека в покое, он нам не мешает. Как тебя зовут, мальчик?

– Олег, – ответил я, немного смутившись от её неземной красоты, которая в свете луны мне показалась просто грациозной. На ней было короткое ситцевое платье выше коленок, розовые гольфы и спортивные кеды, которые ещё больше подчеркивали изящность её утончённой голени. Макс по-прежнему недоволен, искоса поглядывая на меня, как бы говоря «а не пошёл бы ты домой, малый», вдруг забыв обо мне, протянул руку в сторону неба и, показывая на звёзды, сказал:

– Ленка, смотри – Большая Медведица!

– Точно! – воскликнула Лена, пританцовывая от радости.

Подул случайный ветер, приподнимая платье, под которым оказались белые трусики с кружевами – к моему изумлённому восхищению. В висках застучали молоточки, лицо заплыло жаром. Макс заметил мой взгляд и ухмыльнулся.

– Я же говорила: сегодня она будет яркой. Посмотри, какая луна, – сказала она, продолжая двигать телом в такт какой-то песенке, которую мурлыкала.

Пока Елена Прекрасная, восторгаясь, созерцала красоту вселенной со звёздами, Макс вытащил из сумки сигареты, бутылку белого вина, стал его разливать по гранёным стаканам, которые оказались рядом.

– Бери, Ленусь, – сказал он, протягивая ей стакан с вином.

– Мальчику тоже налей, – сказала она, продолжая смотреть на звёзды.

– А жирно ему не будет?

– Налей, – приказала она, раздражённо махнув рукой.

Макс покорно протянул мне свой стакан, вино оказалось на редкость кислым и невкусным, так мне показалось тогда: наверное, потому что пил я его первый раз в жизни

– Смотри, Ленусь, он морщится от твоего Ркацители, – деланно нахмутив брови, произнёс Макс.

– Ничего, пусть привыкает, когда-нибудь и он будет смотреть на звёзды со своей девушкой, – не оборачиваясь, сказала она, по-прежнему созерцая космос.

– Звёзды смотреть – само собой, лишь бы с крыши не грохнулся бухой, – со смехом сказал он.

В голове у меня появился лёгкий туман от выпитого вина, даже стало клонить ко сну. Тем временем белокурая Елена уже сидела рядом с Максом, она очень женственно держала в правой руке сигарету, а в левой стакан с вином. Каждый раз, глубоко затягиваясь, выпивала глоток вина, стряхивая пепел в сторону. Потом они начали целоваться, не обращая никакого внимания на меня. Я пожелал им обоим спокойной ночи и стал уходить, они даже не ответили – так были увлечены своим поцелуем. По дороге домой я представлял себя вместо Макса, но с Таней, сильный, здоровый, в потёртых джинсах, уверенный в себе: я тоже буду долго целоваться с ней – решил я тогда.

Через день я решил ещё раз подняться на крышу, но на люк в потолке подъезда кто-то повесил тяжёлый замок, теперь мне оставалось только ходить под её окнами. Однажды, после очередной прогулки под балконами её дома, с которых капала вода со свежестыранного белья на головы прохожих, остановился около песочницы и продолжал время от времени кидать пронзительные взгляды на её окна, носком ботинка ковыряя песок. После того как это занятие порядком надоело, я начал снимать отпечаток подошвы на песке – получалось довольно-таки забавно, даже умудрился написать её имя следами от ботинка на песке.

– Красильников, что ты тут делаешь?

Ошеломлённый, я поднял глаза. Рядом стояла Таня и внимательно наблюдала за моими чудачествами. Я сразу же попытался замести ногой своё произведение, но было поздно. Она взяла меня за руку и потянула в свою сторону, заставила отойти на шаг. Потом, смотря мне прямо в лицо, обжигая холодом голубых, как айсберг, глаз, спросила без обиняков:

– Красильников, ты что – влюбился? Ходишь за мной по следам, имя моё пишешь на песке, на крышу залез, а если бы упал?

Вид у меня был, наверное, крайне дурацкий, тем более я не знал, что ей ответить.

– Ну ладно, пошли, – сказала она, очевидно, сжалившись надо мной, и мы молча двинулись в сторону булочной.

Там она попросила подождать около двери, через минуту

возвратилась с буханкой хлеба и двумя булочками. Мы так же безмолвно пошли назад, до её подъезда. Очевидно, такое серьёзное дело, как любовь, требовало обоюдной немоты. Таня предложила мне одну из булочек, но я почему-то отказался. Тогда серьёзным тоном она объявила:

– Завтра после уроков вместе пойдём домой, и ты будешь нести мою сумку, договорились?

Немного подождав, она добавила:

– Если хочешь с девочкой дружить, то для начала надо ухаживать за ней.

Пеший отряд легионеров миновал пролесок и остановился около опушке леса на отдых. Оливковое масло, хлеб, немного вина. Семейство сусликов с любопытством наблюдающие за воинами. Свист стрелы, упавший легионер. Властный крик центуриона манипулам. Короткая схватка. Стенка на стенку.

Олег Семёнович Красильников сидел на кухне, пил чай с супругой. На столе банка с вареньем, свежий хлеб, рядом нераспакованная пачка масла. Жена без умолку рассказывала, как её начальница в пятидесятилетнем возрасте решила выйти замуж за таксиста, но он её давно не слушал, а так просто кивал головой в знак согласия, его мысли были далеко. Воспоминания душили его, он начал переосмысливать прошедшую жизнь, ему даже показалось, что он прожил её неправильно, многое не сделал, был нерешительным, что-то упустил, а главное – любовь, которая прошла мимо. Он ува-

жал свою жену, но любовь – это другое, что-то неземное. Нет, он не любил свою супругу. Особенно после вчерашнего увиденного на остановке у него в душе всё перевернулось, стали скрести кошки. Его отношение к супруге, их жизнь... «А вообще была ли она счастлива со мной? – спрашивал он сам себя. – А любит ли она меня? Смог ли я стать хорошим мужем? После стольких лет совместной жизни, сегодня я задаю себе подобные вопросы. Нет, это ненормально, это даже глупо, мерзко». Ему стало очень горько и обидно, он тяжело вздохнул.

– Олег, ты меня слышишь?

– Да слышу, конечно, слышу.

– В последнее время ты стал невнимательным, о чём ты всё время думаешь, вроде ты здесь со мной – а мыслями где-то на стороне, не заболел случайно?

– Да нет, Валя, всё нормально, устал немного, пойду прилягу.

– Ну иди, иди, – сказала она, провожая его подозрительным взглядом.

Олег лёг на диван и закрыл глаза. Образы детства, юности всплывали один за другим в его потяжелевшей голове. Люди которых он любил, встречал в своей жизни, которых уже давно нет: отец, мать, братья, друзья. Но один образ, настойчиво тесня остальные, всплывал в его воспалённом воображении, переходящем в глубокий сон – это была она, Таня, его первая любовь.

Сны нас уносят неизвестно куда, являясь продуктом переживаний человека, страданий, несбыточных желаний, мечтаний, нереализованных планов, любви – всё может всплыть в нашем возбуждённом мозгу, который бодрствует, даже когда мы спим. И как объект нашего воображения они бывают разные – цветные, нелепые, страшные.

Она шла по краю крыши мрачной высоты, в лёгком ситцевом платье ниже колен, от легкого дуновения ветерка оно задиралось, оголяя красивые, стройные ноги, вдруг остановилась, маня к себе указательным пальцем. В ней было до боли знакомое, настойчиво притягивающее, но невозможно было узнать, потому что у неё отсутствовало лицо, потом она пропала, упала. Где ты? Теперь кто-то стоял сзади, опять на самом краю крыши, спиной к нему, с развевающимися на ветру серыми волосами, как у старухи, хрупкая, светлая и снова манящая к себе. Стоит только сделать шаг, приблизиться, обхватить её гибкую талию – и она станет твоей, только шаг, один шаг, ещё один, последний...

Олег Семёнович открыл глаза. Вокруг было темно, жена мирно похрапывала в соседней комнате – прежде чем пойти спать, она предусмотрительно накрыла его одеялом. Он встал, пошёл на кухню, открыл кран, который недовольно заурчал весёлой струйкой холодной воды, повеяло влагой. Он подождал немного, налил полный стакан свежей воды и выпил его залпом, почувствовал, как холодная вода приятно спустилась по гортани к желудку, она была для него как

дождь в пустыне, которого ждёт иссохший оазис. Он стоял и не двигался, держась руками за борта раковины минут пять, только сейчас, один на кухне, в полной темноте, он стал приходить в себя, его мозг стал потихоньку осознавать, что с ним произошло. «Ах, этот сон, проклятый сон, а кстати – о чём он был? Не помню, но было что-то неприятное, жуткое, похожее на кошмар. Ерунда какая-то, пойду-ка я спать, ребята, завтра в гараж, на работу», – подумал он и заковылял в спальню, прихрамывая на левую ногу, которая успела занеметь, пока он стоял на кухне. Супруга лежала на спине, раскинув руки, теперь она перестала храпеть, лишь сладко посапывала себе под нос, Олег тихонечко толкнул её в бок. Она тут же повернулась к нему спиной и сказала:

– Ты себя не слышишь, когда храпишь, умник, блин.

Ничего не ответив, он прилёг, голова приятно тяжелела, и по всему телу разлилась тёплая нега, склоняющая ко сну.

Вокруг одно, огромное чёрное пятно, потом оно стало цветным, с маленькими брызгами по бокам, которые расплывались в пятна всё крупнее и крупнее. Теперь она в моих руках, вся нежная, белая, какая-то воздушная, покорно прижимаясь ко мне. Мы несёмся по тёмному туннелю в свободном полёте между горами. Моя рука у неё на ноге, другая ласкает маленькую девичью грудь, мы готовы утолить нашу взаимную страсть, но кто она? Кто ты? Покажи мне твоё лицо! Почему ты всё время отворачиваешься? Я хочу видеть твои глаза! О боже, у неё нет лица, она безликая.

Олег вскочил с кровати, сел, свесив ноги, холодный пот градом катился с него, на спине мокрая испарина, сопровождаемая лёгкой дрожью. Он снова лёг, но не спал, смотрел в потолок, думал, стараясь понять, что с ним происходит на самом деле. Видеть сны ему приходилось и раньше, но так, чтобы два раза подряд видеть один и тот же сон с продолжением – было в этом что-то новое, жутковатое, если это можно было бы назвать сном, то оно, скорее всего, походило на ночной кошмар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.